

І. ИЗ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ И ЦЕРКОВНЫХ СВЯТЫНЬ

Е.Н. Фурсова

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КОПТСКОЙ ЦЕРКВИ И ЕГИПЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В XIX в.

Национальное единство мусульман и коптов в Египте означает равноправие и гармонию в отношениях между этими конфессиями. Современная египетская историография уделяет особое внимание проблеме национализма. Таким образом, изучение взаимоотношений между египетским государством и Коптской Церковью является затруднительным, поскольку это может подвергнуть сомнению идею национального единства. Кроме того, руководствуясь доктриной Коптской Церкви, провозглашающей «религию без политики», египетские историки не затрагивают ее социально-политическую историю как общественного института. И как следствие — в египетской историографии не часто встречается анализ взаимоотношений между Церковью и государством¹. Вместо этого интерес египетских историков сфокусирован на роли политиков-коптов. В западной и российской историографии этот вопрос также мало изучен. Работ по XIX в. на тему взаимоотношений между Коптской Церковью и государством очень мало. Отчасти это связано с тем, что число официальных документов, касающихся их взаимоотношений, незначительно и не охватывает все аспекты их сотрудничества. Известные работы и исследования по Египту XIX в. таких египетских историков, как Али Мурабарак, Амин Сами и даже Абд ар-Рахман ар-Рафии, не содержат никакой информации по этому вопросу². В то же время, коптские источники содержат богатую информацию по этому вопросу, которая, однако, требует тщательного дальнейшего исследования³. Характер взаимоотношений между государством и Церковью в коптских источниках представляется довольно неопределенно и подчас противоречиво. Изложение фактов в них зачастую непоследовательно и порой иносказательно. Это может быть

как следствием религиозного характера источников, так и признаком напряженности, которая всегда существовала в отношениях между правительством и Церковью в Египте.

Вообще коптские источники рисуют довольно негативный портрет правителя, изображая его деспотом по отношению к коптам и их Церкви. Истории о Мухаммеде Али, как правило, подчеркивают его враждебное отношение к православным коптам*. Согласно одной из таких историй, Мухаммед Али подверг пыткам Джирриса аль-Джаухари — главу сборщиков налогов и очень известную личность из среды коптов, которого он подозревал в сокрытии доходов⁴. Но была ли эта акция направлена именно против коптов? Скорее всего, это обвинение явилось лишь предлогом для смещения с должности аль-Джаухари, известность и влияние которого вызывали недовольство нового правителя. Об этом свидетельствует, в частности, продолжение истории. Копт Муаллим Гали, которому паша поручил проверить счета с 1800 г., проведя ревизию, доложил Мухаммеду Али об удовлетворительном состоянии счетов и о том, что аль-Джаухари «не взимает с населения больше, чем отправляет в казну, жалея народ». Тем не менее Мухаммед Али сместил аль-Джаухари и назначил Муаллима Гали на его место⁵. Примечательно, что через некоторое время аль-Джаухари был выпущен из заключения в обмен на огромный выкуп, наложенный на него и других коптских лидеров. Это, пожалуй, был единственный случай, когда Муаллим Гали был освобожден от уплаты крупного штрафа, неоднократно налагаемого Мухаммедом Али на коптских чиновников в начале своего правления. Тем не менее, это дало повод некоторым коптским авторам говорить о существовании близких доверительных отношений между Мухаммедом Али и Муаллимом Гали, что, в свою очередь, свидетельствует о предвзятости правителя по отношению к православным коптам**, так как Муаллим Гали был католиком.

Факты, однако, говорят о другом. За годы правления Мухаммеда Али, при общем сокращении членов религиозных меньшинств на

* Несмотря на это, в коптской историографии существует и противоположное мнение на этот счет. Например, Жак Тагир обращает внимание на терпимое отношение Мухаммеда Али и его династии к коптам (см.: Жак Тагир. Акбат ва-муслимун мунзу ал-фатх ал-араби иля ам 1922. Каир, 1951).

** Т.е. к представителям традиционной Коптской Церкви, именующим себя «православными».

государственной службе, число высокопоставленных христиан в каирском и местных административных аппаратах осталось относительно большим. Однако частые перестановки в среде высокопоставленных налоговых чиновников, помимо очевидной задачи пресечь мздоимство, были направлены и на ослабление влияния наиболее авторитетных среди своих единомышленников коптских служащих.

Важно отметить тот факт, что приход к власти Мухаммеда Али во многом способствовал началу социального возрождения коптской общины. Мухаммед Али расширил ведомства и департаменты (диваны) страны, что позволило увеличить число служащих-коптов в государственных учреждениях. Таким образом, если раньше все полномочия в фискальном и административном государственных аппаратах были сконцентрированы в руках нескольких представителей общины, при Мухаммеде Али они стали доступны многим коптам во всех египетских провинциях. Один англичанин, посетивший Египет в этот период, в своем докладе председателю совета министров Великобритании, зачитанном в парламенте, отметил, что видеть «копта с пером [также естественно], как феллаха за плугом»⁶.

Согласно своей ориентации, коптские источники сообщают также о том, что Мухаммед Али поощрял деятельность иностранных христианских миссий, дабы завоевать благосклонность Европы. Этим они подчеркивают неблагоприятность воздействия подобной политики правителя на единство коптской общины. Здесь следует отметить, что международные связи являются одним из самых болезненных вопросов в отношениях между Коптской Церковью и египетским правительством, к чему мы вернемся чуть позже.

По-разному складывались отношения с Коптской Церковью других правителей. Об Ибрагиме-паше источники сохранили следующую историю. Правитель скептически относился к чуду явления божественного огня в Храме Гроба Господня. И он решил отправиться вместе с патриархом Бутрусом ал-Джавили (1809–1852) в Иерусалим, чтобы удостовериться в том лично, чем поставил патриарха в затруднительное положение. Согласно коптским источникам, патриарху было дано это видение, после чего Ибрагим-паша стал относиться к нему с почтением.

Относительно Аббаса-паши существует рассказ, повествующий о том, что он обвинил епископа Сарабамуна (ум. 1856) в колдовстве и приказал казнить, но позднее помиловал его. В источниках сквозит возмущение произошедшим по следующей причине. В свое время Мухаммед Али призвал Сарабамуна ко двору, чтобы он вылечил

его дочь, о природе болезни которой было известно только то, что это не был физический недуг. Мухаммед Али обратился за помощью к епископу, известному своими способностями изгонять демонов, и он успешно справился с этой сложной задачей.

С Аббасом связана еще одна неприятная история: паша воспрепятствовал назначению патриарха Кирилла IV (1854–1861) из-за пророчества, которое предупреждало Аббаса об опасности для жизни, которая должна была возникнуть в начале правления нового патриарха. Саид-паша, по источникам, отдал приказ отравить Кирилла IV⁷.

Исмаил-паша — единственный правитель, о котором благожелательно отзываются как коптские, так и прочие источники, отмечая его щедрость по отношению к Церкви и всяческое содействие и помощь, которые он ей оказывал⁸.

Перечисленные истории носят характер «притчи», так как имеют в своей основе религиозную мотивацию поведения того или иного правителя. По мнению Мухаммеда Аффифи, данные источники отражают народную память, придавшую им легендарную окраску. В этом процессе участвовала и Церковь, чувствуя свою слабость перед государством. Поэтому главным моментом в этих рассказах, на наш взгляд, является положение Церкви и коптской общины, а не те или иные поступки правителей. В историях о патриархе Бутрусе аль-Джавили и Ибрахиме-паше, о столкновении епископа Сарабамуна с Мухаммедом Али и Аббасом духовное лицо предстает в роли победителя, а в случае с Кириллом IV — в образе мученика. Сквозная мысль этих притч — обида египетских христиан на государство за отсутствие заслуженной оценки деятельности церковных лидеров.

Теперь вернемся к одной из наиболее болезненных причин разногласия между Церковью и государством со времен патриарха Кирилла IV и Саида-паши в XIX в. до периода патриарха Шенуды III и Анвара ас-Садата во второй половине XX в. Корни этого международного церковного конфликта уходят в средневековую историю.

Во время правления мамлюков, при которых завершились войны с крестоносцами, пошатнулись отношения между мамлюкскими султанами и Эфиопией, так как эфиопские цари, находившиеся на стороне коптов, периодически вмешивались в египетские дела. Тогда были изданы верховные указы, запрещающие коптским патриархам поддерживать контакт с Эфиопией, несмотря на то, что Эфиопская Церковь признавала главенство Коптской Церкви и коптские митрополиты назначались в Эфиопию вплоть до начала XX в. Однако уже

в XIX в. влияние Коптской Церкви в Эфиопии заметно ослабло. В результате завоевательных походов Мухаммеда Али в Судан и возникновения общей с Эфиопией границы, коптскому патриарху пришлось играть посредническую роль между Саидом-пашой и правителем Эфиопии. Между тем, после конфликта между эфиопами и коптами в середине XIX в., связанного с монастырем Дайр ас-Султан в Иерусалиме, Коптской Церкви уже не удавалось успешно играть роль посредника между Египтом и Эфиопией. К тому же правители Эфиопии посылали жалобы египетским правителям на некоторых коптов в Асуане за то, что они участвуют в работоторговле⁹. Христианские Церкви часто подозревались в помощи иностранным державам на Ближнем Востоке. В случае же с Коптской Православной Церковью едва ли были какие-то причины для опасения. Религиозные иностранные миссии стремились расколоть коптскую общину при помощи таких известных конкурентов, как Католическая и Протестантская Церкви. Поэтому Православная Коптская Церковь взирала на Запад с недоверием, мешавшим их сближению. С Россией ситуация была несколько иной. В течение XIX в. Коптская Церковь сблизилась с другими восточными Церквями под покровительством Русской Церкви, что послужило распространению российской религиозной политики среди православных христиан Османской империи.

Согласно коптским источникам, Россия завязала отношения с Коптской Церковью в период правления Мухаммеда Али, предложив ей встать под ее протекцию. Однако Бутрус ал-Джавили категорически отверг такое предложение, заявив, согласно этим источникам, что Коптская Церковь находится под защитой Бога. Коптские источники отмечают, что, принимая такое решение, Бутрус был движим чувством глубокого патриотизма. Тем не менее можно допустить, что причиной отказа от протекции послужило опасение Коптской Церкви вызвать недовольство властей и создать разлад в церковно-государственных отношениях, так как самостоятельное установление Церковью международных связей наверняка поставило бы ее в затруднительное положение перед египетским правительством.

Существует любопытная история, связанная с этим событием, которая вошла в церковный фольклор. Ее приводят коптские источники. Когда история встречи коптского патриарха и русского эмиссара (*мандуб*) и отказ первого от российской протекции дошли до Мухаммеда Али, «восхищение и восторг отразились на его лице». В тот же день он отправился в патриархию, чтобы выразить патриарху Бутрусу благодарность за истинный патриотизм и преданность

стране. Патриарх ему ответил: «Не благодари того, кто выполняет свой долг по отношению к Родине». Из глаз Мухаммеда Али покатились слезы, и он сказал: «Воистину, сегодня ты возвысил себя и свою страну, так займи же положение, которое занимает Мухаммед Али в Египте, и пусть у тебя будет для передвижения такая же карета, как у него»¹⁰. Эта легенда, скорее всего, появилась позднее. Она представляет особый интерес, поскольку содержит в себе целый ряд метафор и исторических образов. Мы сталкиваемся здесь с символическим образом «слабой Церкви», мечтающей о том, чтобы положение ее патриарха было таким же могущественным, как и положение правителя страны. Кроме того, в ней присутствует мотив опасения Церкви оказаться в затруднительном положении, так как любые ее шаги на международной арене могут вызвать недовольство властей и повлечь за собой разлад в церковно-государственных взаимоотношениях.

Это опасение еще более явно прослеживается в событиях, связанных со смертью Кирилла IV. Если патриарх Бутрус ал-Джавили отказался от протекции со стороны России, то Кирилл IV, согласно большинству коптских источников, стремился возглавить проект единства восточных Православных Церквей под протекцией России. В источниках просматривается идея, что, вероятно, за этот проект Кирилл заплатил жизнью, ибо со смертью патриарха канул в лету и проект о покровительстве России коптам¹¹. Не совсем понятно, что явилось причиной трагической кончины патриарха. Известно, что Саид после отмены в 1855 г. джизьи, тем не менее, указом 1856 г. распорядился об обязательном несении воинской повинности христианами. Патриарх выступил против этого указа и попросил Саида-пашу об освобождении коптов от воинской обязанности. Саид не мог пойти на выполнение его просьбы, поскольку стремился мобилизовать достаточное количество египетских солдат для участия в Крымской войне¹². Тогда патриарх попросил вмешаться иностранное государство, что и привело к разрыву отношений между ним и Саидом-пашой¹³. Известный египетский историк отмечает, что предшественников патриарха Кирилла IV не обвиняли во вмешательстве в политику, тем более в международную, а период его патриаршества характеризовался началом *инфитаха* (араб. «раскрытие», «развитие») с сопутствующей ему активной деятельностью политиков и дипломатов¹⁴. Таким образом, его трагический конец был итогом его неугодного властям правления Коптской Церковью, с падением которого начался новый исторический период в отношениях государства и Церкви.

Еще один религиозный лидер Коптской Церкви конца XIX — начала XX вв., патриарх Кирилл V (1874–1927), также активно участвовал в политике страны. Эпоха правления хедива Исмаила с последующей британской оккупацией Египта привела к огромному наплыву иностранцев, одним из последствий которого было распространение европейского и американского католического и протестантского миссионерства. Они сконцентрировали свое внимание на египетских коптах, поскольку обращение в другую веру у мусульман строго запрещено. Иностранное миссионерское движение, пик активности которого связан с деятельностью американских протестантских миссий, развернуло свою деятельность в Верхнем Египте, открыв в Асьюте свою первую школу. Их деятельность была настолько энергичной, что вызвала беспокойство хедива Исмаила, «который, уже будучи готовым привлечь американских солдат для подготовки египетской армии, испугался распространения американского влияния на египтян»¹⁵. Тогда Кирилл V, при поддержке хедива Исмаила, предпринял поездку на юг страны с целью помешать миссионерам и отговорить коптов посещать их школы. Согласно египетскому историку Йунану Лабибу Ризку, многие копты, перешедшие в протестантизм, подверглись жестокому осуждению и гонению, а попытки американского генерального консула в Египте Эндрю Ватсона вмешаться в ситуацию не принесли ожидаемого результата. Все предложения о защите коптов со стороны держав, борющихся за гегемонию на Ближнем Востоке, Кирилл V также отклонял.

Между тем идеи национализма, патриотизма и «национального единства», возникшие в конце XIX в. в Египте, были с энтузиазмом поддержаны Коптской Церковью. Об этом говорит, например, тот факт, что, когда во время восстания Ораби-паши хедив Тауфик бежал из Каира в Александрию, Кирилл V принял сторону повстанцев и был «в первых рядах среди представителей нации, подписавших постановление о свержении хедива Тауфика»¹⁶. Кирилл V подписался под этим документом, несмотря на то, что тем самым он нарушил свой особый церковный статус. Неудивительно, что после поражения восстания, начала английской оккупации Египта и возвращения Тауфика в столицу отношения между монархом и патриархом заметно охладели.

В заключение можно отметить, что свойственное патриарху Кириллу V стремление к независимости и самостоятельности в принятии решений в сочетании с дальновидностью, природным чутьем и патриотизмом отличают его патриаршество (самое долгое в копт-

ской истории) активной включенностью Церкви в политику, повышенным интересом государства к его персоне и, следовательно, к роли Коптской Церкви в общественно-политической жизни страны.

Подводя итог истории взаимоотношений Коптской Церкви и египетского правительства в XIX в., можно сделать вывод о том, что их характеризовали напряженность и конфликты. Как и другие общественно-политические институты, Церковь имела определенные интересы и занимала конкретные позиции в различных политических и социальных вопросах, которые время от времени приводили ее к конфликту с государством. Малоизученность этого аспекта церковной истории свойственна как «пронационалистской» истории, так и Коптской Церкви, пропагандирующей «религию без политики».

¹ *Muhammad Afifi*. The State and the Coptic Church in the nineteenth-century Egypt // *Welt des Islams*. Nov. 1999. Vol. 39. Issue 3. P. 273.

² *Али Мубарак*. Аль-Хитат аль-джадида ат-тауфикийя ли-миср аль-кахира ва мудуниха ва билядиha аль-кадима ва аш-шахира. Булак, 1886–89; *Амин Сами*. Таквим ан-ниль. В 3 т. Каир, 1915–1936. Т. III, ч. 1, Аср Аббас баша ва Мухаммад Саид; *Абд ар-Рахман ар-Рафи*. Аср Исмаил. В 2 т. Каир, 1932.

³ См., например: *М. Шарубим*. Аль-кафи фи тарих миср аль-кадим ва аль-хадис. В 4 т., Каир, 1900. Т. IV; *Тауфик Искарус*. Навабих аль-акбат ва машахирихим фи аль-карн ат-таси ашар. В 2 т. Каир, 1910–1913; *Аль-Ускуф Айзурус (Айсидорес)*. Аль-харида ан-нафсийя фи тарих аль-каниса аль-кибтийя. Каир; и *Аш-Шаммас Манси аль-Куммас*. Тарих аль-каниса аль-кибтийя. Каир, б.г.

⁴ *Хабиб ал-Масри*. Тарих ал-каниса ал-кибтийя, 1975. Т. IV. С. 263.

⁵ *Хабиб ал-Масри*. Тарих... С. 264.

⁶ *Йуханна ан-Нахла Руфайла*. Тарих ал-умма ал-кибтийя. Каир, 1898. С. 303.

⁷ *Muhammad Afifi*. The State and the Coptic Church... P. 275.

⁸ *Абд ар-Рахман ар-Рафи*. Аср Исмаил... Т. I. С. 216.

⁹ *Muhammad Afifi*. The State and the Coptic Church... P. 283.

¹⁰ *Аш-Шаммас Манси аль-Куммас*. Тарих... С. 502.

¹¹ *Тауфик Искарус*. Навабих аль-акбат... Т. II. С. 190.

¹² *Абд ар-Рахман ар-Рафин*. Аср Исмаил... Т. II. С. 29–31.

¹³ *Muhammad Afifi*. The State and Coptic Church... P. 281.

¹⁴ *Там же*. С. 285.

¹⁵ *Al-Ahram*. A Diwan of contemporary life (408), 20–26 September 2001; Issue № 552.

¹⁶ *Ibid*.